12+

СЕРГЕЙ МАУЗЕР

ВСЯ ЖИЗНЬ – ИЗ ЧУДЕС

Сергей Маузер
Вся жизнь — из чудес

https://litres.ru/74928347
ISBN 9785007172042

Аннотация

Документально-художественное повествование о священнике, который возглавил общину храма, ещё не построенного: в 1992 году он принял приход у кромки бассейна «Москва» — на месте взорванного в 1931 году главного собора страны. Каждое воскресенье здесь служились молебны, звучали песнопения, а вокруг собиралось более сотни людей. Это история о том, как вера превращает пустырь в храм, случайность — в путеводение, а дом, где семь тарелок на столе, — в приход. Книга для тех, кто верит.

Содержание

ОТЕЦ В. 5
Пастырь возрождения 5
ОТ АВТОРА 6
СОДЕРЖАНИЕ 8
Часть первая. ДИТЯ ЗАГОРСКА (1952—1974) 9
Часть вторая. РУКОПОЛОЖЕНИЕ (1978—1992) 10
Часть пятая. НАСЛЕДИЕ ДОМА СЕМЬИ 12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДИТЯ ЗАГОРСКА (1952—1974) 13
Глава 1. Дом у Лавры 13
Глава 2. Дорога в храм 16
Глава 3. Инженер и Церковь 19
Глава 4. Издательство Московской Патриархии 21
Глава 5. Лестница у медкомиссии 24
Глава 6. Сан принят 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Вся жизнь — из чудес

Сергей Маузер

© Сергей Маузер, 2026

ISBN 978-5-0071-7204-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТЕЦ В.

Пастырь возрождения

Документально-художественное повествование о жизни протоиерея В., первого настоятеля общины возрождаемого храма Христа Спасителя, настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе

Книга посвящается
иеродиакону Н. —
наследнику дома, где вера была не словом, а жизнью,
клирику Троице-Сергиевой Лавры,
в знак любви, благодарности и молитвы.

ОТ АВТОРА

Эта книга задумана как рассказ о человеке, чья жизнь удивительно точно совпала с одной из самых драматичных и — если не бояться этого слова — праздничных страниц русской церковной истории конца двадцатого века: с возрождением храма Христа Спасителя. Но начинается она далеко от Волхонки, в маленьком подмосковном городе, который в те годы назывался Загорском, — там, где над всем горизонтом встают башни Троице-Сергиевой Лавры.

Прежде чем читатель отправится в путь вместе с героем книги, автор обязан сказать о самом жанре повествования. Всё, что здесь касается дат, событий, назначений и служений протоиерея В., опирается на документальные источники: церковные справочники, издательский архив журнала «Журнал Московской Патриархии», воспоминания и публикации газет и церковных сайтов. Там, где повествование воссоздаёт атмосферу — разговор, движение души, картину дня, — текст остаётся реконструкцией, построенной на опубликованных воспоминаниях и общих реалиях времени. Такие места писались с величайшей бережностью: автор не приписывает герою ни лишних слов, ни лишних подвигов. Жизнь протоиерея В. в этом не нуждается.

Есть ещё одна причина, по которой эта книга существует. Она посвящается иеродиакону Н. — человеку, который вы-

рос в том самом доме, где семь тарелок на столе были знаком ежедневной Литургии, где седьмой ребёнок — это не «много детей», а норма большой церковной семьи, где слово «приход» означало и приход на службу, и приход домой. Сын растёт среди того, что делают родители; наследство в такой семье измеряется не имуществом, а привычкой вставать к службе до рассвета. И потому биография отца — одновременно и начало биографии сына.

Читатель, привыкший к быстрым ответам, найдёт в этой книге медленное чтение. Не потому, что событий мало: их здесь десятки. Но потому, что главный предмет книги — не события, а душа, которая среди событий сохраняла простоту. Как говорил сам отец В., «да она ведь вся состоит из чудес» — вся жизнь, любая. Книга, которую вы держите, — попытка рассмотреть эти чудеса не как исключение, а как порядок вещей.

Примечание. В тексте книги цитаты из устных и газетных публикаций приводятся с сохранением их источника; реконструированные сцены оговорены в подстрочных пояснениях или очевидны по контексту повествования.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДИТЯ ЗАГОРСКА (1952—1974)

Глава 1. Дом у Лавры
Глава 2. Дорога в храм
Глава 3. Инженер и Церковь
Глава 4. Издательство Московской Патриархии
Глава 5. Лестница у медкомиссии
Глава 6. Сан принят
ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ. Загорск в пятидесятые: город у Лавры
ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ. Издательство Московской Патриархии: сердце церковной печати

Часть вторая.
РУКОПОЛОЖЕНИЕ (1978—1992)

Глава 7. Успенский Вражек
Глава 8. Старец из Ракитного
Глава 9. Встреча на лестнице
Глава 10. Семь чудес
Глава 11. Слово, которое слушали студенты
ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ. Что читала и слушала Церковь в семидесятые
ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ. Старец Серафим Тяпочкин: духовная опора эпохи
Часть третья. ВОЗРОЖДЕНИЕ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ (1988—1994)
Глава 12. Взорванная святыня
Глава 13. Тысячелетие и община
Глава 14. Закладной камень
Глава 15. Настоятель несуществующего храма
Глава 16. Молитва у кромки воды
Глава 17. Матронушка
Глава 18. Трудные годы
Глава 19. Передача посоха
ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ. Память о взрыве: 1931—1960
ОТСТУПЛЕНИЕ ШЕСТОЕ. Богословие возрождения:

зачем Церкви великий собор
ОТСТУПЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ. Архитектура воссоздания: спор о первообразе
ОТСТУПЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ. Патриарх Алексий II и Москва девяностых
Часть четвёртая. ПОКРОВ НА ЛЫЩИКОВОЙ ГОРЕ (1994 — НАШИ ДНИ)
Глава 20. Триста лет прихода
Глава 21. Приходская жизнь
Глава 22. Крыши, которые он находил
Глава 23. Слово в письмах
ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ. Таганка: приход и город
ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ. Дар слова: проповедь и исповедь

Часть пятая. НАСЛЕДИЕ ДОМА СЕМЬИ

Глава 24. Дом как приход
Глава 25. Иеродиакон Н.
Глава 26. Юбилеи и признание
ЭПИЛОГ. Уроки отца В.
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Хронология жизни и служения
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Труды протоиерея В.
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Источники и литература
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Из слов отца В.
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. Словарь церковных терминов
ПРИЛОЖЕНИЕ Е. Храм Христа Спасителя: факты и даты

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДИТЯ ЗАГОРСКА (1952—1974)

Глава 1. Дом у Лавры

9 ноября 1952 года, в год, когда страна, ещё не отошедшая от войны, начинала жить в первом послевоенном ритме, в семье семьи родился мальчик, которого назвали В.. Имя это — «владеющий миром» — впоследствии оказалось названным на удивление неточно: не миром владел этот человек, а миром жил, как садовник живёт в саду, не претендуя на него, но ухаживая за каждым растением.

Город его детства назывался тогда Загорском. Сегодня он вернул себе древнее имя — Сергиев Посад. Это город, где воздух сам по себе уже был церковным: колокольный звон Троице-Сергиевой Лавры был здесь не достопримечательностью, а погодой — как дождь и как солнце. Мальчик В. рос среди людей, для которых Лавра была не туристическим маршрутом, а постоянной осью земли: даже среди атеистического двадцатого века в Загорске оставалась плеяда людей, для которых вера была делом всей жизни, а не бабушкиной памятью.

Семья семьи была самой обычной. Отец прошёл фронт —

и, как большинство вернувшихся с той войны, вернулся с ней не только в глазах, но и в теле: раны не отпускали. Он умер рано, и сын почти не успел узнать его живым. Мать и бабушка растили мальчика вдвоём — это тоже было обычным для того поколения, где война забрала у многих сыновей отцов. Религиозность дома была сдержанной и не для посторонних: к вере в те годы в семьи не приглашали, её просто жили, как дышат.

Раз в год — к воротам Лавры

Мама с бабушкой водили В. раз в год в церковь в Сергиевом Посаде. Одно это «раз в год» многое говорит о времени: чтобы привести ребёнка к храму, надо было и время выкроить, и язык не застрять на общих фразах о «пережитках». Раз в год — это не проповедь и не катехизация, это только терпеливое вхождение ребёнка в мир, где свечи, иконы, поклоны и тихое пение — норма. Мир этот не объясняли; его показывали.

Из детства этого рода выросло то, что впоследствии сам отец В. называл чудом-установлением: не резкий удар веры, а медленное впитывание. Впоследствии, уже будучи священником, он не раз повторял мысль, что Господь зовёт человека по-разному: кого — через бурю, кого — через тишину. Его зов был тишиной, начавшейся в детстве, среди раз в год вёсенной дороги к храму.

Первая специальность — пространство

Обратим внимание на деталь, которая впервые всплывёт

много позже, но уже здесь заслуживает слова. Инженеров, как известно, готовят к устройству мира: земли, воды, дорог. В 1973 году В. окончит Московский институт инженеров землеустройства — учебное заведение, выпускавшее людей, умеющих измерять и разделять пространство. Судьба потом сыграет с ним тонко: инженер по землеустройству всю жизнь будет устраивать не участки, а пространство души. Но и прямая линия не прервётся: строительство храма Христа Спасителя начнётся с земли, с расчётов, с закладного камня, вбитого в том самом месте, где в 1931 году был взорван великий собор.

Пока же — 1952 год, Загорск, мальчик среди бабушкиных молитв. Страна готовила хрущёвскую оттепель и очередные гонения на Церковь, в Москве полным ходом шла кампания против церквей, но в Загорске звон не умолкал. Об этом времени у самого отца В. осталось мало высказанного — он вообще говорил о себе редко, а о своих трудах ещё реже. Зато о том, что было дальше, он вспоминал охотно: о чуде дороги в храм, о митрополите Питириме, о встречах на лестницах. О том, как обычная жизнь перестраивается в жизнь служения — без всякого шума.

Глава 2. Дорога в храм

Есть дороги, которые измеряются километрами, и есть дороги, которые измеряются годами. Дорога В. В. к храму была и той, и другой одновременно. В девятом классе он впервые поехал в Москву самостоятельно — обычное подростковое событие, каких в стране в то время были миллионы. Он пришёл в храм — и произошло то, что нельзя запрограммировать.

— Господь ждёт такого момента, когда человек к Нему придёт сам, сознательно, — говорил впоследствии отец В.. — Бывает, человек что-то видит, слушает, читает, но перелом случается, когда сердцем почувствует: Бог есть! А после этого уже любые чудеса становятся естественными.

Слова эти он произносил спустя десятилетия, в интервью газете «Труд» (2005 год), где журналист Валерий Коновалов так и назвал разговор с ним — «Есть такая профессия — души спасать». В этой фразе — вся его палитра: он так и воспринимал священство, как профессию спасения, призванную не пугать человека, а находить его.

Что почувствовал подросток у церковной стены

Попробуем — с осторожностью реконструктора, а не с претензией очевидца — восстановить ту сцену. Московский храм в конце 1960-х годов: очереди у свечного ящика, бабушки в платках, настоятель с неопределённым лицом, ко-

торый смотрит на толпу и ищет глазами тех, кто придёт на следующую службу. Молодой человек в стране, где в школе в этот же день рассказывают про «научный атеизм», стоит в толпе, и что-то в нём говорит: вот здесь — правда.

Мы не знаем, в каком именно московском храме это случилось, — в документах этот пункт биографии остался непоименованным. Но мы знаем следствие: для подростка это не было началом конфликта с миром. Он не порвал с институтом, не ушёл в подполье, не стал ни диссидентом, ни демонстративным юродивым. Он пошёл дальше учиться — на инженера, — и лишь спустя несколько лет его дорога слилась с издательством Московской Патриархии. Его вера была не сцена, а фундамент: на ней всё построено, но снаружи её не видно.

Чудесная жизнь начинается не с чуда

— Да она ведь вся состоит из чудес, — говорил отец В. о жизни. И о своей, и о любой. Уже рождение человека — чудо. Чудо, когда человек из появившегося на свет кусочка плоти становится человеком. И что вообще это происходит.

В этих словах — богословие в высшей степени трезвое. Чудо, по его вере, — не теория заговора против законов природы, а норма вещей, которую человек разучился замечать. Для этого поколения, выросшего среди стекла и бетона, такие слова звучали почти дерзко. Но для того, кто в детстве раз в год стоял у Лавры, а в девятом классе внезапно понял, что его неудержимо тянет в церковь, — это было просто кон-

статацией: как дышится, так и говорится.

Эта спокойная, некрасующаяся вера станет через несколько десятилетий главным оружием человека, который возглавит общину возрождаемого храма Христа Спасителя. Не агитация, не техника, не борьба — а спокойное «так и должно быть». Именно этой простоте учила его дорога в храм, начавшаяся в детстве.

Глава 3. Инженер и Церковь

В 1973 году В. получил диплом Московского института инженеров землеустройства. Строка эта биографии обычно трактуется как случайность, как какой-то зигзаг пути перед настоящим делом. Автор этой книги предлагает смотреть иначе.

Институт инженеров землеустройства — учебное заведение, готовившее людей, которые измеряли землю, устраивали её границы, закладывали чертежи будущего. Не случайно потом, много лет спустя, когда встал вопрос о возрождении храма Христа Спасителя, среди первых инициаторов оказались инженеры и деятели культуры, способные на деле просчитать возрождение великой святыни. Люди, умеющие работать с землёй, оказались среди тех, кто научил Церковь работать с пространством.

О годах в институте и о тех годах, которые он провёл среди геодезистов и землеустроителей, у нас почти нет свидетельств. Но есть логика: молодой человек, пришедший в Церковь сердцем, ещё не знал, как эта вера соединится с профессией. Между Богом и профессией в то время лежала целая пропасть: на дворе был советский семидесятый год, и никто не говорил студентам о том, что Церковь может быть общественно значимым делом. Молодой В. выбрал путь послушания, а не лозунга: если Господь зовёт, то зов этот не

требует немедленного разрыва с обществом. И это — один из самых характерных черт всей его дальнейшей жизни: он никогда не работал через разрыв. Он работал через соединение.

Инженерные качества в жизни пастыря

Когда много позже отец В. станет руководить строящимися храмами — не только возрождаемым собором на Волхонке, но и храмами в Раменках и в Ступинском районе Московской области, — коллеги будут удивляться его умению одновременно вести богослужение и вести стройку. Разгадка проста: перед тем как стать священником, он был инженером. Он умел читать чертежи, работать с реальностью, просчитывать риск и не путать мечту с проектом. Эта привычка сохранилась у него навсегда: когда он говорил о строительстве храма, он говорил об этом не как о мистике, а как о работе, которой надо давать точные сроки и решения.

И всё же судьба его не складывалась по инженерной схеме. В 1974 году он пришёл в Издательство Московской Патриархии — событие, ставшее переломным.

Глава 4. Издательство Московской Патриархии

С 1974 по 1981 год В. трудился в Издательстве Московской Патриархии. В эти годы он работал над журналом, который в то время был фактически единственным голосом Русской Церкви, выходящим регулярно: «Журналом Московской Патриархии». В нём он возглавлял рубрику «Из богослужебной практики» — небольшую, но очень важную часть издания, где собиралась живая, не книжная церковная жизнь: как совершается литургия, как решаются практические вопросы богослужения, как живёт приход.

Названию рубрики стоит уделить минуту. «Из богослужебной практики» — не «из истории», не «из теории». Практика. В Церкви слово «практика» иногда звучит презрительно, будто бы это то, что ниже духа. Отец В. считал наоборот: практика есть учащение духа. Человек, который живёт богослужением изо дня в день, знает о вере больше, чем человек, который только читает о ней. И потому место в издательстве, где приходилось описывать не идеи, а живую ткань Церкви, для него оказалось школой.

Издательство и митрополит Питирим

Здесь необходимо сказать о человеке, который стал центральной фигурой этого периода. Архиепископ Волоколамский, впоследствии митрополит, Питирим (в миру Констан-

тин Владимирович Нечаев) — фигура, значение которой в церковной истории второй половины двадцатого века до сих пор оценивается по-разному. Что вне споров — так это его незаурядный, почти архиважный вклад в культурное русло Церкви: именно под его руководством издательство Московской Патриархии выпускало журнал и книги, делало возможным то, что в иное время считалось невозможным, — русская Церковь имела печатное слово, фотоальбомы о святынях, научные статьи, документы истории.

В. В. попал в издательство, когда тот проект уже существовал, и работал в нём много лет. Он был среди тех, кто изнутри — корректорской, редакторской, составительской работой — превращал печать в орудие живого служения. Здесь он научился тому, что в Церкви часто называют словом «труд»: писать с двойной аккуратностью — чтобы текст не пошёл против веры и чтобы человек его понял.

Параллельное образование

С 1974 года В. одновременно учился в Московских духовных школах — в семинарии и затем в академии. Это значит, что его рабочий день был устроен жестко: утро — в издательстве, вечер — за богословием. Эта привычка к двойному ритму останется с ним навсегда: через десятилетия, когда он будет настоятелем общины храма Христа Спасителя и одновременно настоятелем приходского храма, их будет удивлять то, как человек всё это успевает.

Слово как оружие против страха

Одна деталь той работы имеет прямое отношение к дальнейшей судьбе. В советское время любое церковное слово требовало осторожности, но именно осторожность и учила в издательстве. Здесь будущий священник получил то, что потом сделает его речь уникальной: он умел сказать о Боге и о человеке просто, без лозунгов, без наступательной риторики — и именно за это его потом будут читать и слушать.

Глава 5. Лестница у медкомиссии

Есть события в биографии, которые состоят из одного шага. И есть события, которые состоят из случайности, ставшей судьбой. Таково было поступление В. в семинарию.

Издательство уже было в его жизни, вера была в его жизни, а теперь настало время сказать о главной ступени: о поступлении в Московскую духовную семинарию. Всё было окончено, оставался последний экзамен, и здесь на приёмной комиссии произошла задержка, которая могла стать концом пути: В. отсеяли на медицинской комиссии из-за глухоты на одно ухо.

Он стоял на лестнице, по собственному признанию, «чуть не плакал». И тут — шаги неторопливые, звенящие по камню. Прямо к нему подходит митрополит Питирим — тот самый человек, под руководством которого будущий священник уже работал в издательстве. Митрополит расспросил его, успокоил, отправил на экзамен, пригласил к себе в храм.

— Потом много чего ещё было, вроде бы случайного, но очевидно путеводного, — вспоминал отец В..

О случайности как методе

Читатель, который редко берёт в руки церковные книги, может скептически пожать плечами: случайная встреча на лестнице — что тут особенного? Автор предлагает остановиться. Судьба человека — это совокупность таких лестниц,

и то, что сделает его дорогу, всегда зависит от того, как он использует их. Отец В. потом всю жизнь повторял: случайности — это мир, который говорит с тобой на языке времени. И в этом была вся его жизнь: не сцена и не декорация, а лестница, на которой Господь ставит человека по имени.

Именно поэтому он впоследствии так спокойно и так уверенно работал. Там, где другие видели столкновение обстоятельств, он видел слово, которое надо услышать. Эта способность превращать препятствие в просвет и была его главным даром.

Митрополит Питирим в судьбе В.

Разговор о митрополите Питириме здесь не может быть коротким, потому что в судьбе В. он играет главную роль. Именно Питирим в 1978 году рукоположит его — сначала в сан диакона, потом в сан иерея. Именно его архиерейская рука поставит подписи, которые на десятилетия вперёд определят служение будущего священника.

Характеристики Питирима (Нечаева) в литературе расходятся. Одни видят в нём великого издателя, соединившего Церковь с культурой, создателя советско-церковного мира, автора университетского курса «Русская Православная Церковь в XX веке». Другие вспоминают его литургическую смелость, его нестандартные подходы, его неординарное поведение. Истина, как всегда, многогранна. Для этой книги важно одно: без руководства Питирима не сложилась бы судьба В. как священника и издателя.

Питирим жил в Москве в доме на Пятницкой, у храма во имя преподобного Иосифа Волоцкого, который ныне известен по издательству. Своей духовной деятельностью он давал молодым людям того времени то, чего им недоставало: возможность работать в Церкви открыто, не боясь, что слово «Церковь» будет звучать как приговор.

Глава 6. Сан принят

6 января 1978 года, в канун Рождества Христова по старому стилю, в Москве архиепископ Волоколамский Питирим (Нечаев) рукоположил В. в сан диакона. А 6 ноября того же года — в сан иерея.

Даты эти заслуживают взгляда. Диаконское рукоположение совершено в день, когда Церковь празднует Собор Семидесяти апостолов, за несколько дней до Рождества Христова. Иерейское — в ноябре, когда Церковь стоит на пороге зимы. Таковы были сроки и готовность духовника, так сложилась дата назначения. Но символичность здесь не в датах, а в самой сути: человек, который вырос в доме, где в церковь ходили раз в год, стал человеком, который теперь сам будет эту церковь открывать для других.

Что значит быть священником

Отец В. всю жизнь повторял одну и ту же простую мысль: священник — это тот, у кого нет другой профессии, кроме спасения. Кажется, что это пафос; на деле это повседневность. Священник принимает исповеди, крестит, венчает, отпевает, утешает, ходит в больницы, решает споры, ведёт счета, разбирает отопление. Всё это — его работа. И в этом мире работы единственное, что его отличает от любых других профессий, — это предстояние Богу за людей и людям перед Богом.

Кандидат богословия

Параллельно с издательской работой и рукоположением В. завершил обучение в Московской духовной семинарии и академии и получил степень кандидата богословия. Важно понимать масштаб: в те годы эта степень в Русской Церкви означала высший уровень научной подготовки. Не аспирантский проект на бумаге, а серьёзное богословское исследование. Слушать его проповеди люди будут потом много десятилетий — и всегда заметят за ними учёность, которая не давит, а поддерживает.

Дом, в котором стали священниками

Ещё одна деталь, связанная с этим временем, важна для понимания всей судьбы. Рукоположение — событие публичное и торжественное, но для человека, у которого жена и дети, это ещё и семейная перемена: теперь у дома — свой приход, теперь всё домашнее время идёт по расписанию службы, а не по расписанию увлечений. Матушке Н. — о которой речь впереди — предстояло стать не просто женой священника, а соработницей дела. Таков был быт того поколения: женой священника не рождаются, ею становятся.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ. Загорск в пятидесятые: город у Лавры

Чтобы представить себе мир, в котором рос будущий священник, стоит отложить биографию и посмотреть на город.

Сергиев Посад, носивший с 1930 года имя Загорск, — это

город, который почти не смог стать «советским». Город мог быть только Лавровым: он вырос вокруг обители преподобного Сергия Радонежского, и всё его устройство — улицы, торг, мосты, слободы — веками располагалось вокруг Лавры, как дети вокруг матери. В двадцатом веке обитель переживала тяжелейшие времена: в 1920 году Лавру закрыли, в ней размещались склады, мастерские, музеи; храмы стояли с крестами и без крестов. Но в 1946 году, после встречи Иосифа Сталина с митрополитами, Лавра была возвращена Церкви — первой среди великих обителей Руси. К 1952 году, когда родился В., Троицкий собор с мощами преподобного Сергия снова был центром богослужебной жизни; в Лавре шли богослужения, работал Московский Патриархат, действовали духовные школы.

Это значит, что мальчик рос не в «островке веры», а в городе, где вера была видима: здесь звон колоколов был слышен из каждого окна, здесь бабушки не боялись ходить в храм, здесь школьники, изредка и с опаской, заходили в Троицкий собор и запоминали это на всю жизнь. Загорск был редкой в СССР территорией, где Церковь не скрывалась, а тихо работала. Отсюда, в частности, — то странное на первый взгляд обстоятельство, что именно из Загорска, для выпускника советской школы, был открыт путь в Церковь: в городе всё было по соседству.

Детство как форма

Психологи нашего времени говорят о том, что человек

помнит не события, а формы: как пахла кухня, как звучал голос мамы, как выглядело небо из окна. Духовная память устроена так же. Формы, в которых прошли первые годы жизни В., — это дорога в храм, звон, пение, тишина большого собора, запах ладони бабушки. Всё это не «знание о вере», а знание самой веры — то, что остаётся у человека даже тогда, когда он, как подросток, считает себя далеко от Церкви.

Позже, став священником, отец В. будет по собственной судьбе судить о судьбах других: он будет уверен, что семя, посеянное в детстве, не пропадает, что «раз в год» у храма важнее, чем кажется, и что по-настоящему важное в приходской работе — это не проповедь перед большой аудиторией, а тихое, повторяющееся присутствие. Его собственное детство было именно таким повторяющимся присутствием — раз в год, но всегда.

Фронтовик в памяти

Отец, который умер рано, остался в этой книге фигурой, о которой известно совсем немного: он был на войне, был ранен, вернулся домой. Но стоит подумать о том, что значит для семьи такой отец — вернувшийся с фронта и ушедший рано. В таких семьях у детей рано появляется понимание хрупкости жизни и одновременно — чувство долга перед памятью. Русская традиция это выражала простой практикой: поминать усопших, молиться об упокоении, носить память о войне как о нравственном опыте, а не только как о дате в календаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.